

Иероним

**Творения блаженного
Иеронима Стридонского**

Часть 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ИЗО

ИЗО **Иероним**
Творения блаженного Иеронима Стридонского: Часть 5 / Иероним – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 487 с.

ISBN 978-5-519-86831-0

Апология против книг Руфина, посланная к Паммахию и Марцелле, три книги; Разговор против пелагиан в лице Аттика православного и Критулула еретика, три книги; Книга о знаменитых мужах, написанная к Декстру, преторианскому префекту; Изложение хроники Евсевия Памфила; Хроника блаженного Иеронима; Перевод книги Дидима о свдухе

ISBN 978-5-519-86831-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БЛАЖЕННОГО ИЕРОНИМА

АПОЛОГІЯ

ПРОТИВЪ КНИГЪ РУФИНА, ПОСЛАННАЯ КЪ ПАММАХІЮ
И МАРЦЕЛЛЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1. Изъ вашихъ писемъ и изъ писемъ многихъ я узналъ, что въ школѣ Тиранійца ¹⁾, «языкомъ псовъ изъ враговъ моихъ» (Ис. 67, 24), возражаютъ мнѣ, зачѣмъ я перевелъ на латинскій книги *Περὶ ἀρχῶν*. О безпримѣрное безстыство! обвиняють врача за то, что онъ указалъ ядъ, — для того конечно, чтобы своего (продавца лекарствъ) *φαρμακοπώλην* защитить не свидѣтельствомъ невинности, а сообщничествомъ его преступленію, какъ будто число согрѣшающихъ уменьшаетъ виновность и обвиненіе заключается въ лицахъ, а не въ дѣлахъ. Противъ меня пишутся книги, всюду распускается слухъ о нихъ, и однако онѣ не издаются, чтобы и поколебать ими простецовъ и у меня отнять возможность отвѣчать за себя. Новый родъ злобы—обвинять въ томъ, что боишься выдать, писать о томъ, что скрываешь. Если спра-

---

¹⁾ Указывается на *Turanium*, или *Toranium*, родину Руфина.

ведливо то, что пишетъ онъ, то почему онъ побоялся публичности? если ложно, то зачѣмъ писалъ? Когда-то мальчиками мы читали: «Думаю, что безразсудному свойственно писать что либо, что хотѣлъ бы скрыть». (Cicero lib. 1 Academ. Quaest.). Спрашивается: что это за оскорбленіе? чего они неистовствуютъ, чего безумствуютъ? Что я оттолкнулъ напыщеннаго панегириста, что не захотѣлъ похвалъ отъ коварныхъ устъ, что подъ личиною друга понялъ ковы врага? Во введеніи я называюсь братомъ и товарищемъ, и довольно явно высказываются мои преступленія, — что я писалъ, какими похвалами возносилъ Оригена на небо. Говорить, что онъ сдѣлалъ это съ добрымъ намѣреніемъ. А какимъ же образомъ теперь, какъ врагъ, онъ ставитъ мнѣ въ вину то, за что прежде, какъ другъ, хвалилъ? Онъ хотѣлъ въ переводѣ подражать мнѣ, какъ предначинателю, и заимствовать авторитетъ для своего труда отъ моихъ произведеній. Достаточно было однажды сказать, что я писалъ. Какая была надобность одно и тоже повторять въ другой разъ и часто упоминать, и какъ будто никто не вѣритъ его похваламъ, приводить самыя выраженія? Похвала, столь заботливая о томъ, чтобы вѣрили ей слушатели, не пскренія и не чиста. Чего онъ убоился, какъ бы ему не повѣрили въ восхваленіяхъ меня безъ приведенія моихъ словъ? Видите, что мы понимаемъ его мудрость, понимаемъ, что часто упражнялся онъ въ пріемахъ сатирическаго панегиризма. Не можетъ онъ показаться искреннимъ тамъ, гдѣ выдастъ себя художникомъ въ хитрости. Пусть будетъ случайностію допустить заблужденіе однажды, много дважды; но зачѣмъ онъ умно заблуждается и часто, и такъ чрезъ все сочиненіе проводить заблужденіе, чтобы мнѣ нельзя было отрицать того, что онъ хвалитъ? Человѣкъ разсудительный и другъ долженъ бы былъ, по прекращеніи недоразумѣнія, избѣгать и легкихъ подозрѣній, чтобы не показалось, что сдѣланное имъ случайно, сдѣлано

съ намѣреніемъ. Поэтому и Туллій въ Комментаріяхъ обвиненій за Габинія говоритъ: «Я всегда думалъ, что съ высочайшею святостію и вѣрностію должно охранять какъ всякую дружбу, такъ въ особенности ту, которая возстановлена послѣ вражды: потому что нарушеніе долга при неразрывной дружбѣ оправдывается извиненіемъ неразумія, или (чтобы сказать сильнѣе) небрежности; а сдѣланное послѣ примиренія считается дѣломъ не небрежности, а умышленнаго нарушенія дружбы и обыкновенно приписывается не неразумію, а вѣроломству». И Флаккъ Гораций въ письмѣ, которое пишетъ къ Флору, сказалъ: «худо починенная любовь никакъ не сходится и разрывается».

2. Какая мнѣ теперь польза, что онъ клянется, что онъ искренно заблуждался? Вотъ мнѣ ставятъ въ вину похвалы его и вмѣняется въ преступленіе неискреннее, нечистое восхваленіе искреннѣйшаго друга. Если онъ предуготовлялъ авторитетъ для своего произведенія, желая показать кому онъ слѣдовалъ, то былъ у него Иларій Исповѣдникъ, переведшій почти сорокъ тысячъ стиховъ Оригена на Іова и Псалмы; былъ у него Амвросій, коего всѣ почти книги наполнены рѣчами Оригена, и мученикъ Викторинъ, который доказываетъ въ Оригенѣ свою простоту, не замышляя говъ ни противъ кого. О всѣхъ ихъ онъ молчитъ, и какъ бы оставивъ безъ вниманія столповъ церкви, меня одного маленькаго и ничтожнаго человѣка преслѣдуетъ по угламъ. Развѣ быть можетъ онъ будетъ клясться, что онъ ихъ не зналъ по той же простотѣ, съ какою по невѣдѣнію обличилъ друга? Но кто повѣритъ ему—человѣку весьма ученому, такому знатоку древнихъ, особенно греческихъ, писателей, что гоняся за чужимъ, онъ какъ бы потерялъ свое,— что онъ не знаетъ новѣйшихъ писателей и именно латинскихъ? Изъ этого видно, что не столько я похваленъ имъ, сколько они не обвинены,— такъ что эта похвала ли, какъ онъ старается увѣрить

неразумныхъ, или обвиненіе, какъ я чувствую по боли моей раны, таковы, что я ни при похвалѣ не имѣю славы, ни при порицаніи не имѣю утѣшенія въ совмѣстникахъ.

3. У меня въ рукахъ письма ваши, въ которыхъ вы пишете, что я обвиненъ, и просите отвѣчать обвинителю, чтобы не показалось, что я признаю вину, если бы сталъ молчать. На письма эти, признаюсь, я отвѣтилъ, и хотя былъ оскорбленъ, но настолько сохранилъ требованіе дружбы, что защищалъ себя безъ обвиненія обвиняющаго, и относительно того, въ чемъ обвинялъ меня одинъ другъ въ Римѣ, я представлялъ себя обвиняемымъ многими во всемъ мірѣ врагами, чтобы казалось, что я отвѣчаю не личности, а на обвиненія. Неужели же я, бывъ обвиненъ, по закону дружбы долженъ былъ молчать, и имѣя лицо въ грязи и такъ сказать обрызганное еретическимъ зловоніемъ, даже простою водою не долженъ былъ умыть его, чтобы не показалось, что онъ меня обидѣлъ? Это отношеніе и не человѣка и не къ человѣку—явно называть другомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ личиною хвалителя представлять его вины, и не предоставлять ему возможности даже доказывать свое православіе и отвѣчать, что похвала еретикъ, которую ставятъ ему въ вину, произошла не отъ сочувствія къ его ереси, а отъ удивленія къ его уму. Ему захотѣлось, или, какъ самъ онъ хочетъ казаться, онъ вынужденъ былъ переводить на латинскій языкъ то, чего не хотѣлъ. Какая же была надобность втягивать въ дѣло меня, укрывшагося и раздѣленнаго такимъ пространствомъ моря и земель, выставять меня противъ несправедливости многихъ, чтобы болѣе мнѣ повредить похвалою, чѣмъ себѣ принести пользу моимъ примѣромъ? И теперь, такъ какъ я отказался отъ его похвалъ и перевернувъ стиль показалъ, что я не таковъ, какимъ оповѣстилъ меня мой пріятель,—теперь, говорятъ, онъ бѣсится и составилъ противъ меня съ аттическимъ искусствомъ три книги, за то самое обвиняя меня, за что

прежде хвалилъ, и ставя мнѣ въ вину въ переводѣ Оригена его нечестивыя мнѣнія,—въ переводѣ, о которомъ въ предисловіи панигирика своего говорилъ: »я буду слѣдовать правилу предшественниковъ и особенно того мужа, о которомъ упоминается выше,—который, переведши на латинскій языкъ больше семидесяти книжекъ Оригена, названныхъ имъ гомилетическими, перевелъ и нѣсколько изъ его сочиненій на Апостолъ: въ нихъ, если и встрѣчаются на греческомъ нѣкоторыя соблазнительныя мѣста, при переводѣ онъ все сгладилъ и очистилъ, такъ что латинскій читатель не находитъ въ нихъ ничего, что разногласило бы съ нашею вѣрою. Итакъ и мы, по возможности, слѣдуемъ этому мужу, хотя не по силѣ краснорѣчія, а по правиламъ дисциплины.«

4. Онъ не можетъ отрицать, что это подлинно его слова. Самое изящество стиля и стройная рѣчь, и, что болѣе этого, христіанская простота, указываютъ черты своего автора. Иное дѣло, если это испортилъ Евсевій и обвинитель Оригена и пристрастный ко мнѣ засвидѣтельствовалъ, что въ одномъ и томъ же произведеніи и онъ и я или заблуждались или правильно мыслили. Теперь недругъ мой не можетъ называть еретикомъ меня, о которомъ давно сказалъ, что я не разногласю съ его вѣрою. вмѣстѣ съ этимъ спрашиваю у него и о томъ, что значитъ эта воздержная и двусмысленная рѣчь? Латинскій читатель, говоритъ, не найдетъ въ нихъ ничего, что бы разногласило съ нашею вѣрою. Какую вѣру онъ называетъ своею? Ту ли, которою сильна римская церковь, или ту, которая содержится въ сочиненіяхъ Оригена? Если отвѣтитъ: римскую, то слѣдовательно я, ничего не переведшій изъ заблужденій Оригена, православенъ. А если вѣра его—богохульство Оригена, то, обвиняя меня въ непостоянствѣ, онъ показываетъ себя еретикомъ. Или право вѣруетъ хвалитель мой и своимъ испо-

10-

вѣданіемъ меня принимаетъ въ сообщника, или неправо и показываетъ, что прежде онъ хвалилъ меня потому, что считалъ соучастникомъ своего заблужденія. Но я постараюсь отвѣтить противъ тѣхъ книгъ, которыя распространяются по угламъ и съ воровскимъ кляузничествомъ задѣваютъ меня, такъ какъ онѣ изданы и вышли изъ тьмы на свѣтъ и могли дойти до насъ по любви ли братій или по неразумію соперниковъ. Ибо книги эти не должны быть очень страшны, если авторъ ихъ побоялся издать ихъ и назначилъ для чтенія только сообщникамъ. Тогда я или признаю обвиненія, или разсѣю, или обличу обвинителя въ томъ, въ чемъ онъ обвиняетъ меня, и покажу, что мое до сихъ поръ молчаніе было слѣдствіемъ скромности, а не признанія виновности.

5. Между прочимъ я хочу быть очищеннымъ предъ безмолвнымъ судомъ читателя и опровергнуть самое важное между друзьями обвиненіе, чтобы онъ видѣлъ, что первый оскорбилъ не я, который и получивъ рану не направилъ стрѣлъ противъ преслѣдователя, а только приложилъ руку къ своей ранѣ. Прошу читателя, чтобы безъ предубѣжденія къ лицамъ, онъ сложилъ вину на того, кто сдѣлалъ нападеніе и не довольствуясь оскорбленіемъ, составилъ противъ меня, какъ будто безъязычнаго и навсегда безмолвнаго, три книги и сработалъ относительно моихъ сочиненій *ἀντιθέσεις* Маркіона. Душа жаждетъ узнать и его сверхъ чаянія ученость и мое нежданное безуміе. Быть можетъ, онъ въ короткое время научился тому, чему долженъ насъ поучать, и внезапная рѣка краснорѣчія покажетъ нигѣмъ неподозрѣвавшіися въ немъ знанія. *Такъ отецъ его дѣлаетъ Богомъ, такъ великій Иисусъ* (Изъ Виргил. кн. X. Энеид.). Пусть же онъ начинаетъ сраженіе. Хотя онъ взялъ на перевѣсъ копья своего обвиненія и набросился на насъ всеми силами, но мы вѣруемъ въ Господа Спасителя, что покроетъ насъ

щитомъ истина Его и мы будемъ въ состояніи воспѣть съ Псалмопѣвцемъ: *стрѣлы младенецъ быша язвы ихъ*. (Пс. 63, 8) и: *еще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое: еще встанетъ на мя брань, на него азъ уповаю* (Пс. 25, 3, 4). Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ. Теперь возвратимся къ тому, о чемъ начали.

6. Сторонники его нападаютъ на меня *и не имѣющіе удачи въ дѣлахъ готовятъ мельничные снаряды* (Энеид. кн. 1),—зачѣмъ я перевелъ на латинскій языкъ зловредныя и противныя церковной вѣрѣ книги Оригена περὶ Ἀρχῶν. Отвѣтъ имъ короткій и сжатый: Меня побудили твои, братъ Паммахій, письма и письма твоихъ, извѣщавшія, что эти книги лживо переведены другими и нѣчто въ нихъ выброшено, нѣчто или прибавлено или измѣнено. И чтобы я не имѣлъ недовѣрія къ письмамъ, вы прислали экземпляры того перевода съ предисловіемъ похваляющимъ меня. Когда я прочиталъ это и сличилъ съ греческимъ, то тотчасъ замѣтилъ, что нечестиво сказанное Оригеномъ объ Отцѣ и Сынѣ и Св. Духѣ и чего не могли выносить римскія уши, переводчикомъ измѣнено въ болѣе хорошую сторону, а прочія мнѣнія о паденіи ангеловъ, о ниспаденіи душъ, о чудесахъ воскресенія, о мірѣ или Епикуровыхъ чередующихся мірахъ, о возстановленіи всѣхъ въ одинаковое состояніе, и гораздо худшее этого, что долго было бы повторять здѣсь,—или такъ перевелъ, какъ нашелъ на греческомъ, или изложилъ болѣе пространно и доказательно по комментаріямъ Дидима, отъявленнѣйшаго защитника Оригена,—чтобы видѣвшій Оригена въ ученіи о Троицѣ православнымъ, не боялся его какъ еретика въ прочихъ пунктахъ.

7. Иной, не бывшій его другомъ, пожалуй сказалъ бы: или все измѣняй что худо, или все издавай, что считаешь прекраснымъ. Если для людей простыхъ ты отсѣкаешь все вредное и то, что представляешь привнесеннымъ еретиками, не хочешь по-

реносить на чужую рѣчь, то я уступаю тебѣ во всемъ что вредно. А если въ переводѣ ты сохраняешь истинную вѣру, то зачѣмъ иное перемѣняешь, а иное оставляешь нетронутымъ, хотя въ томъ же Прологѣ ты открыто сознаешься, что дурное ты исправилъ, а лучшее оставилъ? На основаніи этого тебя не какъ свободного переводчика, а какъ самостоятельнаго писателя будутъ обличать, если что нибудь изъ переведеннаго окажется еретическимъ, и будутъ обвинять въ явномъ преступленіи,—что ты хотѣлъ чашу съ ядомъ обмазать медомъ, что бы обманчивая сладость прикрывала самую злую отраву. Вотъ что и гораздо болѣе этого жесткое сказать бы врагъ и привлечь бы къ суду церкви тебя не какъ переводчика дурнаго произведенія, а какъ единомышленника. А я, довольствуясь тѣмъ, чтобы защитить себя самаго, (скажу, что) я перевелъ просто то, что заключалось на греческомъ въ книгахъ περὶ Ἀρχῶν, — не для того, чтобы читатель вѣрилъ тому, что я переводилъ, но для того, чтобы не вѣрилъ тому, что ты переводилъ прежде. Въ трудѣ моемъ была двоякая польза, — поелику и выдается еретикъ авторъ, и обличается невѣрный переводчикъ. И чтобы кто нибудь не счелъ меня сочувствующимъ переведенному, неудобство перевода я оградилъ введеніемъ и показалъ, чему читатель не долженъ былъ вѣрить. Первый переводъ содержитъ похвалу автору, второй — порицаніе. Тотъ вызываетъ читателя вѣрить, этотъ побуждаетъ не вѣрить. Тамъ и я невольно оказываюсь одобряющимъ, здѣсь я настолько не одобряю того, кого перевожу, что вынужденъ обвинять одобряющаго. Одно и тоже дѣло сдѣлано не съ одною и тою же цѣлію; еще болѣе — одинъ путь имѣлъ различные исходы. Онъ уничтожилъ то было, говоря, что это извращено еретиками, и прибавилъ чего не было, увѣряя, что объ этомъ говорено было Оригеномъ въ другихъ мѣстахъ, — чего не будетъ въ состояніи доказать, если не укажетъ самыхъ мѣстъ,

откуда, по его словамъ, онъ переводилъ. Я заботился ничего не измѣнять изъ подлинника. Ибо я переводилъ для того, чтобы обличить худо переведенное. Признаете меня переводчикомъ? Я былъ предателемъ, предалъ еретика, чтобы защитить отъ ереси церковь. Почему я хвалилъ Оригена кое въ чемъ, — это показываетъ книга предпосланная этому труду. Теперь дѣло идетъ объ одномъ моемъ переводѣ; если онъ сдѣланъ съ благочестивымъ памѣреніемъ, то я не долженъ терпѣть обвиненіе въ нечестіи, выдавая нечестивое, что предлагалось церквамъ какъ благочестивое.

8. Я перевелъ на латинскій семьдесятъ книгъ его, какъ жалуется мой пріятель, и многое изъ томовъ. Изъ за труда моего никогда не было спора, никогда не волновался Римъ. Какая была надобность передавать латинянамъ то, чего гнушается и Греція, что порицаетъ весь міръ? Я, столько лѣтъ переводившій такъ многое, никогда не служилъ соблазномъ. Ты, прежде неизвѣстный, сдѣлался извѣстенъ своимъ неразуміемъ съ перваго и единственнаго произведенія. Самое введеніе показываетъ, что тобою переведена и книга Памфила мученика въ защиту Оригена. И всѣми силами ты ведешь дѣло къ тому, чтобы церковь не отвергала того, чью вѣру одобряетъ Мученикъ. Евсевій епископъ Кесарійскій, нѣкогда предводитель аріанской ереси, написалъ въ защиту Оригена (какъ уже выше я сказалъ) шесть книгъ — пространнѣйшее и обработанное сочиненіе, — и многими свидѣтельствами доказалъ, что Оригенъ съ его точки зрѣнія православенъ т. е. съ нашей — аріанинъ. Первую изъ этихъ книгъ ты переводишь подъ именемъ Мученика. И удивительно ли, если ты хочешь меня, человека малозначительнаго, сдѣлать хвалителемъ Оригена, когда ты наклеветалъ на мученика? И измѣнивъ немногія мѣста о Сынѣ Божіемъ и Духѣ Святомъ, которые по твоему убѣжденію не понравятся Римлянамъ, все прочее до конца ты оставилъ нетронутымъ, дѣлая тоже са-

мое въ Апологіи, какъ бы Памфиловой, что сдѣлать въ переводѣ Оригеновыхъ *περί Ἀρχῶν*. Если та книга Памфилова, то изъ шести книгъ какая будетъ первая Евсевіева? Въ самомъ сочиненіи, которое ты ложно признаешь Памфиловымъ, упомянуто о дальнѣйшихъ книгахъ. И во второй и въ остальныхъ книгахъ Евсевій указываетъ на сказанное прежде въ первой книгѣ и говоритъ, что онъ не долженъ повторять одного и того же. Если все произведеніе Памфилово, то почему не переводишь прочихъ книгъ? Если другого, то зачѣмъ перемѣняешь имя? Ты молчишь, но говорятъ самыя вещи: конечно для того, чтобы вѣрили мученику тѣ, кои будутъ отвращаться отъ предводителя аріанъ.

9. Сказалъ бы я: гдѣ былъ у тебя умъ, простодушнѣйшій другъ? Какъ ты могъ поставить имя мученика на еретической книгѣ и несвѣдущихъ сдѣлать защитниками Оригена по уваженію къ мученику Христову? По учености, какую ты владѣешь и славилъ какъ знаменитый *σοφιστής* (писатель) на Западѣ, такъ что тебя называютъ корифеемъ всѣ твои сторонники,—я не думаю, чтобы ты не зналъ Евсевіевой *βιογραφία* и того, что мученикъ Памфилъ не составилъ совершенно никакого сочиненія. Ибо самъ Евсевій, другъ и почитатель и близко знавшій Памфила, написалъ три изящнѣйшія книги съ описаніемъ жизни Памфила: въ нихъ, отзываясь о прочемъ съ удивительными похвалами и превознося до небесъ его смиреніе, въ третьей книгѣ присовокупилъ и слѣдующее: «Кто изъ любомудрыхъ не былъ другомъ Памфила? Если онъ видѣлъ кого-нибудь нуждающимся въ необходимомъ для жизни, щедро снабжалъ чѣмъ могъ. И Писанія священныя онъ раздавалъ весьма охотно не для чтенія только, но и въ собственность. И не только мужчинамъ, но и женщинамъ, которыхъ видѣлъ преданными чтенію. Поэтому приготавливалъ и много кодексовъ, чтобы раздавать желающимъ, когда потребуется. А самъ вовсе не